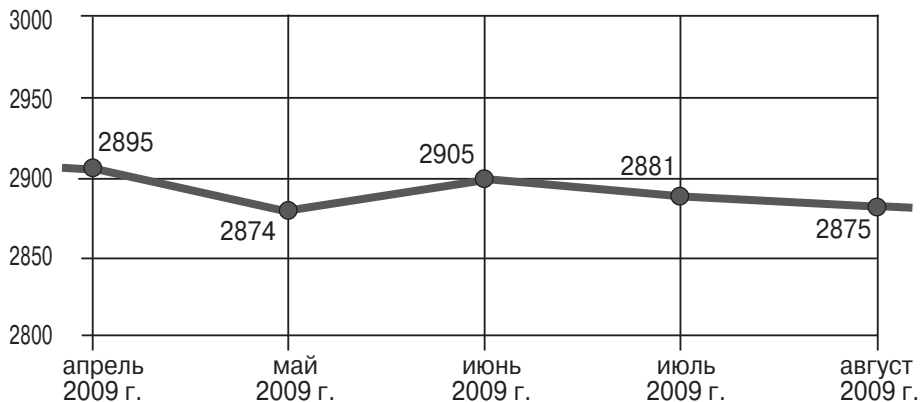

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(май–август 2009 г.)

■ Альберт Зульхарнеев. ИНДЕКС *iSi* ЗА МАЙ–АВГУСТ 2009:
ЛЕТО БЕЗ ЗАТИШЬЯ

■ Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА:
НИКОГДА ТАКОГО НЕ БЫЛО, И ОПЯТЬ ТО ЖЕ САМОЕ

■ Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА:
ГЛОБАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ СКВОЗЬ ТУМАН КРИЗИСА

■ Андрей Картунов, Даян Джаятиллека, Абдулазиз Сагер,
Евгений Сатановский, Константин фон Эггерт.
КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ

Интенсивность событий международной безопасности мая–августа 2009 г. опровергает известное представление о существовании *традиционного* летнего затишья в политической и других сферах, от которых зависит уровень угроз жизни и благополучию *граждан планеты*. Методология расчета Индекса *iSi* учитывает многообразие факторов, влияющих на состояние международной безопасности, но при этом самое высокое значение отдает возникающим военным угрозам и *сопровождающим* их политическим событиям. Особенно если речь идет о возможности использования или испытании оружия массового уничтожения. Именно здесь могут возникнуть самые масштабные и необратимые последствия, причем источник угрозы – исключительно человеческая деятельность. Отсюда и внимание к странам и регионам, социально-экономическая и политическая обстановка в которых прямо влияет на состояние глобальной безопасности, прежде всего в военной области.

Динамику Индекса международной безопасности летом 2009 г. определяли события в *де-факто* ядерных КНДР и Пакистане, *подозрительном* Иране и на всем Ближнем и Среднем Востоке, усилилась внутренняя напряженность в Китае и России. После падения в мае в июне Индекс возрос. Но далее, поскольку события в основном носили тревожный характер, Индекс снижался: на 1 июня значение *iSi* составило **2874**, на 1 июля – **2905**, на 1 августа – **2881**, на 1 сентября – **2875** пунктов.

□ **Северная Корея.** 25 мая КНДР испытала ядерное устройство мощностью около 20 кт. 12 июня Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1874, которая осуждает Пхеньян и вводит против него дополнительные санкции, в том числе запрет на торговлю оружием, и оговаривает возможность досмотра северокорейских судов. В ответ КНДР пообещала, что ответит военными действиями на подобные меры, будет обогащать плутоний и получать уран. 4 июля был проведен запуск семи ракет малой дальности. Действия Северной Кореи привели к росту военной напряженности во всей Северо-Восточной Азии.

Тем не менее, ни Пхеньян, ни другие региональные и глобальные игроки не пошли на дальнейшее обострение, и к концу августа обстановка стала улучшаться. 4 августа Пхеньян для освобождения из заключения американских журналистов посетил экс-президент США Билл Клинтон, в конце месяца представительная северокорейская делегация прибыла в Сеул на похороны бывшего президента Южной Кореи, *архитектора разрядки* на полуострове в 2000 г. Ким Дэ Чжун, где провела неформальные переговоры.

□ **Иран.** На выборах президента 12 июня, набрав 62,63% голосов, победу одержал ныне занимающий эту должность Махмуд Ахмадинежад. Его основной соперник, представитель реформистского крыла, Мир Хусейн Мусави набрал 33,75%. Тем не менее, оппозиция не согласилась с результатами выборов. Массовые протесты, в ходе которых появились жертвы, охватили Тегеран и другие крупные города, власти жестко ответили. Иранская элита раскололась: руководитель страны Али Хаменеи встал на сторону президента, лидеры реформистов Али Акбар Хашеми Рафсанджани и Мохаммад Хатами открыто выступили против результатов. Наблюдательный совет Ирана согласился провести пересчет голосов, который с небольшими поправками лишь зафиксировал прежний исход выборов.

Несмотря на обнадеживающую, позитивную в отношении Ирана риторику новой американской администрации весной, реальные планы Вашингтона не ясны и не исключают никаких вариантов. В решении ядерной проблемы прогресса нет. Наоборот, нарастает скепсис мирового сообщества в отношении возможности изменения позиции Тегераном. Доклад генерального директора МАГАТЭ в конце августа показал, что Иран продолжает развивать ядерную программу и не сотрудничает в полной мере с МАГАТЭ.

□ **Китай.** Через год после событий в Тибете волнения на национальной почве охватили другой регион КНР – Синьцзян-Уйгурский автономный район и его центр Урумчи. Мирная демонстрация, требующая провести расследование столкновения представителей ханьской и уйгурской национальностей 25 июня в Гуандуне, переросла в беспорядки, которые жестко пресекались властями. Около 200 человек погибли и более 1600 получили ранения. Официальный Пекин указывает на возможность организации волнений из-за рубежа. События вызвали неоднозначную реакцию в мире, с критикой в адрес Пекина выступили западные страны, общественные организации, особенно остро – премьер-министр Турции.

Тем не менее эти события не привели к ослаблению позиций Китая, экономическое и политическое значение которого все более возрастает, подтверждением чего стал состоявшийся 27–28 июля саммит «Американо-китайский стратегический и экономический диалог».

□ **Афганистан–Пакистан.** 20 августа в Афганистане состоялись выборы президента, лидирует на которых действующий глава государства Хамид Карзай. Движение *Талибан* стремилось сорвать выборы. В течение лета по всей стране продолжались боевые действия между партизанскими отрядами *Талибана*, с одной стороны, и войсками правительства и международных сил содействия безопасности, наращивающими свое присутствие в стране, с другой. Сохраняется напряженная ситуация в Северо-западной пограничной провинции Пакистана, где не снижается террористическая активность исламистов.

В ходе российско-американского саммита 6–8 июля было подписано соглашение о транзите через территорию России вооружения и военной техники для армии США, 23 июня Киргизия согласилась с использованием американскими силами аэродрома Манас, что должно укрепить позиции международной коалиции.

□ **Россия–США.** В полной мере возобновлен российско-американский диалог по стратегическим аспектам безопасности, подтверждением чему стали результаты встречи президентов Д.А. Медведева и Барака Обамы в Москве 6–8 июля. При том что переговоры продвигались непросто, сторонам удалось прийти к общему пониманию основных элементов будущего договора по сокращению наступательных вооружений. К удовлетворению Москвы, в совместном документе заявлен тезис о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений. Обозначенные количественные параметры (число стратегических носителей – в пределах 500–1100 единиц и связанных с ними боезарядов – в пределах 1500–1675 единиц), скорее, отражают военные расчеты стран и возможности по содержанию этих вооружений, чем подтверждают их стремление к *ядерному нулю*, широко разрекламированное новой администрацией США весной 2009 г.

□ **Ближний Восток.** В конце мая – начале июня в очередной раз обострился внутр-палестинский конфликт. После силовых акций движения *ХАМАС* глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас распустил коалиционное правительство, сформированное в феврале из представителей *ХАМАСа* и *ФАТХа*, назначил нового премьер-министра и ввел чрезвычайное положение. Переговоры между представителями движений при посредничестве Египта результатов пока не принесли. Тем временем израильский премьер Беньямин Нетаньяху отказался остановить строительство еврейских поселений в Восточном Иерусалиме.

Положительно на динамике Индекса сказались первые после 2005 г. переговоры между представителями **США** и **Сирии** и наметившаяся реанимация дипломатических отношений между этими странами.

□ **Постсоветское пространство.** Возросла политическая напряженность на постсоветском пространстве. В России дестабилизируется ситуация на **Северном**

Кавказе, где участились теракты и вылазки боевиков, совершаются покушения на представителей власти, правоохранительных органов, правозащитников.

16 июня завершили работу в **Грузии** миссии ООН и ОБСЕ, в обеих организациях Россия, не согласившись с положениями о территориальной целостности Грузии, наложила вето на решения о продолжении деятельности миссий. Появление жесткого обращения 11 августа президента России к украинскому коллеге В.А. Ющенко, по своему тону выходящего за привычные рамки отношений между главами суверенных государств и сделанного на фоне разгорающейся на **Украине** предвыборной кампании, еще раз указало на глубокий кризис в отношениях между двумя странами.

Среди региональных событий, позитивно повлиявших на динамику Индекса, проведение в рамках конституционного поля новых парламентских выборов в **Молдавии** и президентских в **Киргизии**, налаживание отношений Белоруссии с европейскими структурами, в том числе с ЕС и ОБСЕ, подвижки на пути урегулирования нагорно-карабахского конфликта.

- На состояние безопасности в отдельных регионах повлияли эскалация насилия в **Южном Судане**, **Сомали** и **Нигерии**, политическая нестабильность в **Таиланде**, **Нигере**, **Гвинее-Бисау**, военный переворот в **Гондурасе**.

Техногенные аварии также оказали влияние на динамику Индекса: взрыв на железной дороге в Италии 30 июня, крушение самолета Тегеран–Ереван 15 июля, авария на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа и другие.

11 июня Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о пандемии свиного гриппа, но указала, что это означает переход от чрезвычайных мер к долгосрочной борьбе. При этом ВОЗ и Генеральный секретарь ООН не рекомендовали закрывать границы, ограничивать поездки или торговлю.

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: НИКОГДА ТАКОГО НЕ БЫЛО, И ОПЯТЬ ТО ЖЕ САМОЕ

Название данного обзора заимствовано у В.С. Черномырдина. Он известен уникальной способностью в острой афористической форме выразить суть сложного явления. И в данном случае его формула – лапидарная, но точная характеристика международной жизни последних лет, в том числе в конце весны и первые летние месяцы 2009 г. В этот период произошло немало важных и интересных событий. Однако, что печально, ни одно из них не свидетельствует о смене ключевых тенденций мировой политики.

ОСЬ ЗЛА РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

В последние годы стало дурным тоном ссылаться на высказывания Джорджа Буша-младшего. Бывшего президента США почему-то принято считать ответственным за все беды, свалившиеся на человечество, начиная от изменения климата и кончая нелегальной миграцией, причем не только во время его пребывания в Белом доме, но и задолго до этого. Тем не менее, введенный им термин *ось зла* в полной мере соответствует нынешним реалиям, по крайней мере, применительно к Ирану и Северной Корее – двум сохранившимся после разгрома саддамовского режима в Ираке центрам этой *оси*. В обращении к нации в январе 2002 г. Джордж Буш высказался относительно этих режимов предельно ясно:

«...Мы знаем их истинную природу. Режим в Северной Корее вооружается ракетами и оружием массового уничтожения, заставляя голодать своих граждан. Иран вызываясье настойчиво стремится к такому оружию и экспортирует терроризм, в то время как немногочисленная избранный

верхушка подавляет надежды иранского народа на свободу. ... Стремясь к оружию массового уничтожения, эти режимы представляют серьезную и растущую угрозу. Они могут передать это оружие террористам, делая последних равными тем, кого они ненавидят. ... В любом случае безразличие к этой угрозе обернется катастрофой»¹.

Можно по-разному относиться к бывшему президенту США. В частности, вместо того, чтобы вплотную заняться решением иранской ядерной проблемы, он начал войну против Ирака. Это стало его крупной, возможно, крупнейшей ошибкой. Но приведенные только что оценки режимов, составляющих ось зла, в полной мере оправдались.

ЯДЕРНОЕ ДОМИНО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В частности, в начале лета 2009 г. ясно обозначилась перспектива резкого обострения напряженности на Дальнем Востоке. Пхеньян с маниакальным упорством тратит последние ресурсы голодающей страны на производство ядерного оружия и создание дальнобойных ракет. В мае 2009 г. в КНДР было проведено второе, более успешное, чем первое, испытание ядерного взрывного устройства. За ним последовала серия пусков баллистических ракет, не слишком удачных, но свидетельствующих о настойчивых попытках северокорейского руководства создать не только ядерные боеприпасы, но и средства их доставки. Реакция международного сообщества, в том числе Соединенных Штатов, считающихся пока еще главным гарантом безопасности своих восточноазиатских союзников, была тревожной, но маловразумительной. Вместо жесткого силового давления на Пхеньян, а это единственное, что может образумить тамошних властителей, была принята очередная резолюция Совета Безопасности ООН №1874.

Члены Совета Безопасности выразили, естественно, «самую серьезную озабоченность» действиями Пхеньяна, осудили их, потребовали, чтобы «КНДР не производила никаких новых ядерных испытаний или пусков с использованием технологии баллистических ракет», а также постановили, что КНДР должна «приостановить все виды деятельности, связанные с ее программой по баллистическим ракетам». Разумеется, Совет Безопасности ООН призвал никоим образом не содействовать Северной Корее в создании оружия массового уничтожения и средств его доставки, в том числе заморозить любые финансовые или иные активы или ресурсы, которые связаны с программами создания такого оружия. И, наконец, Совет Безопасности призвал все государства осуществлять досмотр судов, которые могут перевозить в Северную Корею или из нее грузы, связанные с созданием ОМУ². В ответ Пхеньян немедленно заявил, что попытка досмотра северокорейских судов будет рассматриваться как объявление войны. Желающих досматривать северокорейские корабли пока не нашлось. Судя по всему, на этом нынешний этап борьбы с ядерным вооружением Северной Кореи завершился без особого ущерба для Пхеньяна и его ядерной программы.

Особым миролюбием, в отличие, например, от подхода к отношениям с Грузией, отличалась позиция России. Некоторые российские политики, близкие к руководству страны, во всеуслышание говорили о том, что в надвигающемся на Дальнем Востоке ядерном кризисе виноваты Соединенные Штаты, которые, дескать, «загнали КНДР в угол». Российский МИД не нашел ничего лучшего, чем предложить вернуться к шестисторонним переговорам, несмотря на их полный провал. Что же касается применения силы против зарвавшихся северокорейских лидеров, то это вызывает принципиальное неприятие в Москве. Выступая в ООН, представитель России В.И. Чуркин во всеуслышание заявил:

«Принципиально важно, что в резолюции четко оговаривается – и российская делегация твердо настаивала на этом – что все санкционные меры применяются исключительно по статье 41 Устава ООН, которая не предусматривает использования военной силы»³.

Неспособность остановить северокорейскую верхушку, как минимум, закончится *ядерным домино* в Северо-Восточной Азии. Для Японии северокорейские ядерные ракеты создают поистине экзистенциальную угрозу. При этом в Токио все менее склонны доверять американским гарантиям безопасности, особенно в свете происходящего пересмотра американской внешней и оборонной политики, углубляющейся вовлеченности

США в Афганистане и обострения кризиса на Ближнем Востоке, вызванного иранскими ядерными амбициями. Соответственно, собственное ядерное оружие может оказаться в глазах японского общественного мнения единственной основой безопасности страны, а превентивный удар по важнейшим северокорейским военным и политическим целям – единственным средством предотвратить ядерную атаку или сорвать грубый шантаж со стороны Пхеньяна. Не вызывает сомнений, что появление ядерного оружия в Японии в сочетании с уже имеющимся ядерным оружием Северной Кореи неизбежно приведет к реанимации военной ядерной программы в Южной Корее и, возможно, на Тайване. А это вызовет естественную реакцию Пекина, который будет вынужден пересмотреть в сторону увеличения планы развития собственного ядерного потенциала. Но *ядерное домино* – далеко не самое опасное последствие ядерного вооружения Северной Кореи. Ее руководство, известное своей непредсказуемостью, в один прекрасный день может, вольно или невольно, спровоцировать превентивный удар по собственной территории. Это практически автоматически вызовет региональный ядерный конфликт, о последствиях которого лучше пока не задумываться.

КОНЕЦ СВЕТА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

По похожему сценарию может развиваться ситуация вокруг Ирана. В предыдущем выпуске журнала *Индекс Безопасности* была опубликована исключительно интересная и профессионально глубокая статья израильского эксперта Узи Рубина, посвященная иранской ракетной программе⁴. Ее стоит внимательно прочитать всем, кто – в России и не только в России – доказывает мирный характер иранских ядерных усилий. Вывод Рубина заключается в следующем:

«Из запуска ракеты-носителя *Сафир* в феврале 2009 г., а также запуска двухступенчатой твердо-топливной ракеты *Сарджил* в ноябре 2008 г. можно сделать следующие выводы: Иран разработал либо получил доступ к технологиям проектирования, системной разработки, производства и запуска многоступенчатых баллистических ракет. Иран продемонстрировал владение ключевыми ракетными технологиями. ... Иран с его все более совершенными ракетными и космическими технологиями представляет собой серьезную угрозу миру и стабильности»⁵.

Действительно, в отличие от одноступенчатых, многоступенчатые ракеты не имеют принципиальных ограничений по дальности полета, вплоть до межконтинентальной. Иными словами, Иран уже имеет носители ядерного оружия, угрожающие не только ближневосточным, но и европейским странам.

Судя по мнению многих экспертов, Тегеран все ближе подходит к созданию ядерного оружия. В июле 2009 г. МАГАТЭ сообщило, что в иранском ядерном центре в Натанце работают 5 тыс. центрифуг, что на 1 тыс. больше, чем в феврале 2009 г., а еще 2 тыс. таких аппаратов находятся в разной степени готовности⁶. В июле 2009 г. в печать попали оценки немецкой федеральной разведывательной службы – Бундеснахрихтендинст. Согласно их данным, Иран может получить ядерное оружие уже через шесть месяцев, то есть в самом начале 2010 г. Этот вывод совпадает с расчетами независимого Института исследований в области науки и международной безопасности (Institute for Science and International Security), ведущего американского неправительственного центра по вопросам ядерного распространения⁷.

Дополнительным источником тревоги стали результаты состоявшихся в Иране в июне 2009 г. президентских выборов. Отряды *басиджей*, одной из главных опор Махмуда Ахмадинежада, жестко подавили выступления той части иранского общества, которой осточертела власть фанатичных мулл и которая пыталась опротестовать результаты голосования. Стихийные выступления, отражающие настроения городских средних слоев, прежде всего, образованной молодежи, оказались безрезультатными. У протестующих не оказалось ни программы, ни лидеров, ни какой-либо организации. В свою очередь, низшие слои иранского общества – деклассированное, нищающее и обозленное большинство – поддержали Махмуда Ахмадинежада.

Одновременно на поверхность вышли противоречия между двумя группировками в высшем иранском духовенстве, играющем пока решающую роль в руководстве стра-

ной. Одна из них, состоящая из противников каких-либо, даже самых ограниченных реформ, ориентируется на нынешнего верховного лидера Ирана Али Хаменеи. Их соперники во главе с Али Акбаром Хахеми Рафсанджани считаются относительно прагматичными, но лишь в области внутренней, а не внешней политики. Что же касается ядерной программы, то между лидерами нынешнего режима и их оппонентами из иранского истеблишмента какой-либо разницы не имеется.

Углубляющийся конфликт между различными кликами в верхних слоях духовенства усиливает позиции наиболее одиозной иранской группировки во главе с Махмудом Ахмадинежадом и выходцами из Корпуса стражей исламской революции и *басиджей*, своеобразных аналогов СС и штурмовых отрядов гитлеровской Германии. Судя по всему, эта группа концентрирует в своих руках все большую власть и постепенно оттесняет духовенство от руководства страной. Иными словами, в Иране формируется своего рода экстремистский исламо-фашистский режим, социальной базой которого является деклассированное большинство, а политической и силовой опорой – Корпус стражей исламской революции и *басиджи*.

После победы на выборах и расправы с оппозицией Ахмадинежад занял еще более жесткую позицию относительно переговоров по иранской ядерной проблеме. Начальник иранского Генерального штаба генерал Хасан Фирузабади высказался по-военному ясно и коротко. Европейский Союз, заявил он, «полностью потерял компетенцию и квалификацию, необходимые для любых переговоров с Ираном», поскольку вмешался в беспорядки, последовавшие за выборами, и поддержал антиправительственные силы⁸.

Подавление иранской оппозиции не осталось незамеченным в Вашингтоне. Президент Обама не мог не отметить, что США и весь мир «потрясены и разъярены» действиями иранских властей. Сюзан Райс, американский посол в ООН, намекнула, что для того, чтобы остановить иранскую ядерную программу, США могут использовать отнюдь не только дипломатические методы. «Национальные интересы Соединенных Штатов, – заявила она, – требуют, чтобы мы использовали все возможности, которые имеются в нашем распоряжении, включая дипломатию, для того, чтобы не позволить Ирану обрести ядерный потенциал»⁹. Вице-президент США Джозеф Байден намекнул, что Соединенные Штаты не будут препятствовать Израилю военным путем решить иранскую ядерную проблему. Иными словами, похоже, что на Ближнем Востоке вскоре может наступить *момент истины*. Израилю придется выбирать между двумя крайне малопривлекательными альтернативами: перспективой ядерной атаки со стороны Тегерана, где реальная власть, судя по всему, переходит в руки *исламо-фашистов*, и превентивным ударом по иранским ядерным и иным военным объектам.

Политическое решение иранской проблемы, как впрочем, и северокорейской, затруднено позицией России и Китая. Не случайно сразу после выборов, когда *басиджи* разгромили демонстрации оппозиции в Тегеране, Ахмадинежад отправился в Екатеринбург, где в качестве наблюдателя участвовал в саммите Шанхайской Организации Сотрудничества. Там он встретился с российским президентом Д.А. Медведевым, который поздравил его с победой на выборах. Оба президента договорились о развитии экономического и гуманитарного сотрудничества и продолжении контактов. Российский МИД заявил, что «в России уважают выбор иранского народа (имеется в виду мнение деклассированной части иранского народа. – Ю.Ф.) и готовы продолжать развивать с Ираном взаимовыгодное сотрудничество и добрососедские отношения»¹⁰. Не менее примечательна и российская позиция относительно путей прекращения иранской программы. Официальный представитель МИД России А.А. Нестеренко изложил ее следующим образом:

«Мы не раз заявляли, что оптимальным средством урегулирования сложившейся ситуации является совместная работа по поиску политического решения проблемы, связанной с ядерной программой Ирана, в широком контексте, учитывающем законные интересы всех государств этого региона в сфере безопасности»¹¹.

Если внимательно вчитаться в заявление господина А.А. Нестеренко, то российская позиция состоит в том, что иранскую ядерную программу нужно прекратить, и чем раньше,

тем лучше. Ядерное оружие Ирана угрожает отнюдь не только Израилю, но и законным интересам безопасности практически всех государств Ближнего Востока, которые, скорее всего, станут объектами иранской экспансии, как только внешнеполитические амбиции *исламо-фашистского* режима будут подкреплены ядерным оружием.

Странно, однако, что в МИД России до сих пор не поняли, что «совместная работа по поиску политического решения проблемы» бессмысленна в результате позиции Тегерана, а также что российская поддержка этой позиции только подхлестывает вызывающую неуступчивость иранского руководства. Видимо, все же дело не в профессиональной непригодности российской дипломатии. Скорее, суть в том, что высшие круги российской элиты, видящие в И.В. Сталине *эффективного менеджера*, искренне симпатизируют Ахмадинежаду, *стражам* исламской революции и *басиджам*. Не исключено, что в Москве с интересом изучают опыт разгона протестных демонстраций в иранских городах. Возможно, там также полагают, что, создавая тяжелые проблемы для США и европейских государств, Тегеран отвлекает политические и военные ресурсы Запада от постсоветского пространства, где сосредоточены интересы нынешнего российского истеблишмента.

Но чем бы такая позиция ни была вызвана, в долгосрочном плане она противоречит интересам самой России. На состоявшихся в июле 2009 г. демонстрациях в Тегеране противники Ахмадинежада скандировали уже не только «Смерть диктатору!», но и «Смерть России!» и «Смерть Китаю!». И самое главное: чем дольше иранская ядерная проблема не найдет своего разрешения, тем ближе Тегеран будет приближаться к ядерному оружию. Соответственно, тем больше вероятность военного конфликта, не исключено, ядерного, рядом с границами России.

ФАРС ИЛИ ПАРОДИЯ?

Историки и политические комментаторы любят знаменитую формулу Карла Маркса о том, что история повторяется, в первый раз как трагедия, а во второй – как фарс. Фраза, как и большинство ярких мыслей классиков, до предела затерта от многократного употребления к месту и не к месту, но в целом правильна. В известной мере она применима к визиту президента Барака Обамы в Москву. Завтрак с пельменями из перепелок; величественный сотрудник правительственной охраны в малиновой рубашке, раздувающий сапогом самовар; встреча с лидерами оппозиции, часть которых находится на содержании Кремля, и тому подобные эпизоды – типичные проявления дурного вкуса, переходящие в откровенный фарс.

Но если обратиться к содержательной части визита американского президента, прежде всего, к решениям относительно будущего договора о сокращении стратегических вооружений, то фарсом их назвать трудно. Впрочем, они и никак не трагичны. Скорее, это своего рода пародия на действительно важные соглашения по контролю над вооружениями, которые заключались во время холодной войны.

Среди журналистов и даже людей, считающихся специалистами по военным проблемам, бытует мнение, что соглашения по контролю над вооружениями были направлены на укрепление так называемой *стратегической стабильности*. Под этим красивым термином имелась в виду способность и бывшего СССР, и США уничтожить друг друга в ответном ядерном ударе. На самом же деле мотивы и той, и другой стороны были иными. Некоторые соглашения по контролю над вооружениями были заключены просто потому, что ни у США, ни у СССР не было планов и возможностей начинать гонку вооружений по тому или иному направлению. К их числу относятся, например, договоренности о неразмещении ядерного оружия на дне морей и океанов или на Луне и других космических телах. И в Москве, и в Вашингтоне ясно понимали, что поместить ядерное оружие на морском дне можно было только одним способом, а именно если его утопить. Теоретически уже в 1960-е гг. можно было доставить ядерный боеприпас на Луну, но бессмысленность этого была ясна даже наиболее ограниченным деятелям военно-промышленного комплекса двух государств.

Похожие соображения привели к заключению договора об ограничении противоракетной обороны. Он был достигнут вовсе не потому, что стороны были озабочены сохранением стратегической стабильности. Причина была намного проще. Появившаяся к концу 1960-х гг. техническая возможность размещать на баллистических ракетах многозарядные боеголовки делала противоракетную оборону бессмысленной. Действительно, для более или менее надежного уничтожения одной боеголовки требовалось две-три противоракеты. Поэтому если потенциальный противник ставил на боевую позицию ракету, например, оснащенную пятью-шестью боеголовками, то для перехвата этих боеголовок требовалось десять-двадцать противоракет. Игра явно не стоила свеч, а потому было намного разумнее на взаимной основе отказаться от ПРО, хотя бы по экономическим соображениям. Другая группа соглашений, связанная с нераспространением ядерного оружия и ракет, была обусловлена стремлением ядерных государств сохранить свое особое положение в международных отношениях и не допустить регионального ядерного конфликта. Видимо, тогдашние лидеры мировых держав понимали, что последствия такого конфликта непредсказуемы и вполне могут выйти из-под какого-либо контроля.

Несколько иначе обстояло дело с соглашениями по стратегическим вооружениям. Как правило, при разработке каждого такого соглашения стороны исходили из того, что дальнейшее количественное наращивание носителей и боезарядов бессмысленно с военной точки зрения, но поглощает ресурсы, необходимые для качественного совершенствования вооружений. Таким образом, возникала взаимная заинтересованность в том, чтобы ограничить и даже сократить количество вооружений. Кроме того, и советские, и американские делегации решали в ходе переговоров две задачи: максимально ограничить, сократить, а еще лучше – ликвидировать те системы вооружений, по которым преимущество было у противоположной стороны, и максимально оградить те системы, в которых преимущество было у данной стороны. В итоге, переговоры представляли собой мучительно долгую и трудную *торговлю*, завершавшуюся многочисленными разменами и компромиссами. В целом, эти соглашения в той или иной степени выравнивали стратегические потенциалы СССР и США и в этом смысле укрепляли стратегическую стабильность, хотя последнее и не было изначальной целью переговоров.

Сегодня ситуация совершенно иная. Соединенные Штаты заинтересованы в сокращении стратегических ядерных боезарядов, сокращают их и постепенно заменяют часть снятых со стратегических носителей ядерных боеголовок обычными боезарядами повышенной мощности и высокой точности. Суть в том, что функции стратегических ядерных вооружений очень ограничены. По сути дела, они предназначены лишь для сдерживания ядерной атаки потенциального противника, но для решения задач в ограниченном или региональном конфликте практически бессмысленны. В свою очередь, стратегические носители, оснащенные обычными боезарядами, в ряде случаев могут оказаться очень полезными. Например, они прекрасно подойдут для массированного одновременного удара по сотне ключевых военных и политических объектов Северной Кореи или Ирана. В такого рода конфликтах ключевым является фактор времени, поскольку важно не дать атакованному противнику возможности опомниться и принять те или иные ответные меры, могущие оказаться весьма болезненными.

Таблица 1. Стратегические силы США (по состоянию на 1 января 2009 г.)¹²

	Носители		Боезаряды	
	СНВ-1 ^{а)}	Реально ^{б)}	СНВ-1 ^{а)}	Оперативно развернутые ^{б)}
МБР	550	450	1250	550
БРПЛ	432	288	3264	1152
ТБ	216	60	1062	500
Итого	1198	798	5576	2202

^{а)} По правилам засчета Договора СНВ-1.

^{б)} По подсчетам Фрэнка Норриса и Ганса Кристенсена.

По подсчетам авторитетных американских специалистов, в начале 2009 г. в США имелось около 2200 оперативно развернутых (то есть находящихся на носителях) ядерных боезарядов и около 2500 боезарядов, находящихся в резерве, то есть на складском хранении¹³. В случае необходимости они могут быть вновь развернуты на баллистических ракетах или бомбардировщиках. В перспективе же американские военные ведут дело к установлению некоего оптимального с их точки зрения соотношения обычных и ядерных боезарядов на стратегических носителях. Осуществляется также планомерная модернизация стратегического арсенала, в том числе замена выслуживших гарантийные сроки вооружений на новые. Одновременно в США продолжается создание противоракетной обороны, способной, как предполагается, перехватывать и уничтожать относительно примитивные боеголовки иранских и северокорейских ракет.

Политика США в области стратегических вооружений вызывает, как можно предположить, самое серьезное беспокойство в российском военном руководстве. Хотя в настоящее время имеется примерное равенство между Россией и США по оперативно развернутым ядерным боеголовкам и носителям, российский стратегический потенциал сокращается естественным образом, в результате превышения гарантийных сроков эксплуатации ракет и неспособности военно-промышленного комплекса в полной мере компенсировать это сокращение.

Таблица 2. Стратегические ядерные силы России (по состоянию на 1 января 2009 г.)¹⁴

	Носители		Боезаряды	
	СНВ-1 ^{а)}	Реально ^{б)}	СНВ-1 ^{а)}	Реально ^{б)}
МБР	469	385	2005	1357
БРПЛ	268	172	1288	612
ТБ	77	77	616	856
Итого	814	634	3909	2054

^{а)} По правилам засчета Договора СНВ-1.

^{б)} По подсчетам Павла Подвига.

В российской и иностранной литературе опубликовано немало различных прогнозов относительно состава российских стратегических сил в середине и второй половине будущего десятилетия. Все они предполагают, что к этому времени будут сняты с вооружения окончательно устаревшие российские МБР *СС-18*, *СС-19* и *СС-25 (Тополь)*, составляющие сегодня основную часть наземной группировки стратегических сил. В какой-то степени это сокращение будет компенсировано развертыванием МБР *Тополь-М* шахтного и мобильного базирования, часть которых будет оснащена тремя боеголовками. Будут ликвидированы выслужившие свой срок атомные подводные лодки-ракетоносцы *Дельта-III*, базирующиеся на Камчатке. При этом планируется к 2015 г. ввести в строй три новых подводных лодки проекта 955 (*Борей*), оснащенные новыми БРПЛ *Булава*, которые, как ожидается, будут оснащены шестью боеголовками.

Количественные параметры российских стратегических сил к середине будущего десятилетия оценить трудно, поскольку пока нет уверенности в успешной разработке и принятии на вооружение *Булавы*, а также не ясно, будут ли выдержаны запланированные темпы производства МБР *Тополь-М*. Специалисты предполагают, что через семь–восемь лет количество российских стратегических носителей будет находиться в интервале от 400 до 500 единиц, а количество боеголовок может составить примерно 1,5 тыс. единиц.

В результате того, что количество стратегических носителей в России будет в два-три раза меньше, чем в США, а также потому, что забрасываемый вес ракет *Тополь-М* и *Булава* составляет менее 1,2 т, российские военные не смогут воспроизвести американскую практику *разгрузки* носителей и замены части ядерных боезарядов обычными. Фактически, у российских военных есть только одна возможность – максимально *нагружать* стратегические носители, чтобы минимизировать отставание от США по числу ядерных стратегических боезарядов.

Эти обстоятельства определяют подход России к переговорам с США по стратегическим вооружениям, которые начались вскоре после встречи президентов Д.А. Медведева и Барака Обамы в Лондоне в начале апреля 2009 г. Главный акцент в российской позиции делается на ограничении и максимальном сокращении количества американских стратегических носителей. Если этого удастся достичь, то будет снята проблема *возвратного потенциала* и, кроме того, будут резко ограничены американские возможности оснащения стратегических носителей обычными боезарядами, которые очень беспоят российскую военную и военно-промышленную элиту. Одновременно Москва требует остановить американскую программу ПРО, прежде всего, имея в виду развертывание третьего позиционного района ПРО в Чехии и Польше. Мотивы этого подробно проанализированы в предыдущем выпуске *Индекса Безопасности*¹⁵. Они не имеют ничего общего с интересами военной безопасности России, а заключаются в стремлении усилить разногласия между Европой и США, а также оправдать планируемое развертывание ракет *Искандер* в Калининградском регионе.

В итоге, начавшиеся переговоры по новому соглашению об ограничении и сокращении стратегических вооружений представляют собой своего рода пародию на соответствующие переговоры времен холодной войны. Россия не имеет практически ничего, что можно было бы предложить США в обмен на значимое сокращение американских стратегических носителей. Но при этом Москва выдвигает требования, заведомо мало приемлемые для Вашингтона. Последний, в свою очередь, вряд ли заинтересован в этих переговорах, поскольку российский стратегический потенциал будет сокращаться независимо от того, какой результат на них будет достигнут.

СОВМЕСТНОЕ ПОНИМАНИЕ ПО ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЯХ И ОГРАНИЧЕНИЯХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Документ с таким несколько странным для нормального человека названием был подписан российским и американским президентами во время визита Барака Обамы в Москву. В нем, как в капле воды, отразилась ситуация на переговорах и, одновременно реальное соотношение сил между Россией и США. Главная более или менее конкретная договоренность состоит в том, что Россия и США будут сокращать и ограничивать свои стратегические наступательные вооружения таким образом, чтобы через семь лет после вступления в силу нового договора и в дальнейшем предельные уровни для стратегических носителей находились бы в пределах 500–1100 единиц, а для связанных с ними боезарядов – в пределах 1500–1675 единиц¹⁶. Это очевидно, впрочем, легко прогнозируемый провал российской дипломатии. Как уже говорилось, к середине будущего десятилетия количество российских стратегических носителей вряд ли превысит 500 единиц, что соответствует нижнему уровню, зафиксированному двумя президентами. США, в свою очередь, могут сохранить практически все свои носители, доведя их количество до разрешенного уровня в 1100 единиц. Это позволит Пентагону реализовать имеющиеся планы развития своего стратегического потенциала.

Российские требования по вопросам ПРО, возвратного потенциала, стратегических неядерных вооружений зафиксированы в Совместном понимании весьма обтекаемым и неконкретным образом. Там говорится, что будущий договор будет содержать соответствующие положения, например «положение о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений»¹⁷. Скорее всего, это *положение* будет сформулировано в виде одной строчки, в которой будет сказано, что стороны признают такую взаимосвязь или даже исходят из этой взаимосвязи при формулировании своей политики. Никакого практического значения такого рода *положения* иметь не будут.

Любопытен зафиксированный в Совместном понимании тезис о том, что стратегические наступательные вооружения будут базироваться исключительно на национальной территории каждой из сторон. *Во-первых*, при этом сказано, что данное положение «не будет применяться к существующей практике сотрудничества в области стратегических наступательных вооружений между одной из Сторон и третьим государством». На прак-

 А.В. КОРТУНОВ (Россия), президент фонда «Новая Евразия» – по телефону из Москвы: Проявившаяся готовность к диалогу не только между Россией и США, но и Россией и НАТО, решение по афганскому транзиту, визит премьера Путина в Польшу свидетельствуют о стремлении Москвы занять более умеренную позицию по целому ряду международных вопросов.

Мировая экономика начинает постепенно восстанавливаться, и снижается тот уровень психологической напряженности и панических настроений, которые мы наблюдали еще полгода назад. Политики начинают чувствовать уверенность в общих кризисных ситуациях и адекватно ведут себя в том числе и по ряду вопросов, с экономикой не связанных.

Самый главный вопрос на осень – будет или нет вторая волна кризиса? Если она все-таки наступит, то ситуация в сфере безопасности сильно осложнится. Если же этого не произойдет, то можно говорить о продолжении позитивного развития.

тикe это означает, что США сохраняют свое сотрудничество с Великобританией по морским стратегическим вооружениям. Но, во-вторых, самое главное в том, что будущий договор не будет запрещать США развертывать ПРО (то есть оборонительные стратегические вооружения) за пределами своей национальной территории.

ЧЕТЫРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ–США–АФГАНИСТАН–ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Во время пребывания президента Обамы в Москве был подписан документ, который, в отличие от Совместного понимания и различных заявлений, забывающихся на следующий день после подписания, имеет реальное значение для международной политики. Это Соглашение между правительствами России и США о военном транзите в Афганистан. Им установлено, что США получают возможность перебрасывать через территорию России в Афганистан воздушным путем личный состав, вооружения и военную технику. Эти переброски могут осуществляться как коммерческими рейсами, так и американской военно-транспортной авиацией, которая планирует совершать до 4,5 тыс. рейсов в год. Как заявил министр иностранных дел России С.В. Лавров, «мы заинтересованы в том, чтобы та коалиция, которая работала по мандату СБ ООН в Афганистане, снабжалась исправно и повышала свою эффективность»¹⁸.

В данном случае С.В. Лавров действительно прав, хотя и несколько лукавит. Москва в полной мере заинтересована в том, чтобы американские войска и контингенты других участников международной коалиции, действующей в Афганистане, эффективно боролись с талибами и иными исламскими экстремистскими группировками. Это понятно. До тех пор, пока международная коалиция сдерживает активность талибов и их союзников, центральноазиатские режимы чувствуют себя более или менее спокойно. У России нет необходимости защищать эти режимы военным путем, отвлекая таким образом собственные военные и экономические ресурсы от Южного Кавказа, Черноморского бассейна и других районов на территории бывшего СССР, где концентрируются амбиции и интересы российского военно-политического истеблишмента.

Однако отношения в треугольнике Россия–США–Афганистан гораздо сложнее, чем это на первый взгляд может показаться после подписания действительно важного соглашения о военном транзите. Начиная с середины 2005 г. Москва настойчиво добивается вывода из Центральной Азии западных, прежде всего, американских военных объектов и контингентов, которые находились или находятся там до сих пор главным обра-

зом для обеспечения транспортных коммуникаций с Афганистаном. В частности, в начале 2009 г. Кремль добился от киргизского президента Курманбека Бакиева решения о выводе американской военно-воздушной базы из столичного аэропорта Манас. На протяжении нескольких лет эта база была поистине бельмом на глазу российских военных и дипломатов, которых до предела раздражало военное присутствие США в Киргизии.

Президент Бакиев пошел навстречу Москве не только потому, что ему был обещан кредит размером в 2 млрд долл. Не менее, а может быть, более важным был тот факт, что в июле 2009 г. в Киргизии состоялись президентские выборы. И если бы Курманбек Бакиев не согласился с требованиями Кремля, последний вполне мог бы поддержать, в том числе финансово, его соперников. Успех Москвы вызвал серьезное недовольство в странах Центральной Азии и в Афганистане. Лидеры центральноазиатских государств были раздражены и обеспокоены тем, что закрытие базы осложнит положение американских войск, борющихся с талибами, и ослабит тем самым безопасность граничащих с Афганистаном стран, а также Киргизии, южные районы которой неоднократно подвергались нападениям боевиков, проникавших в киргизские анклавы в Ферганской долине через Таджикистан.

Практически все центральноазиатские государства дали согласие на пролеты американских самолетов через их территорию, а также заправку этих самолетов на своих аэродромах. США во многом решили вопросы о транспортировке американских невоенных грузов через грузовой аэропорт Навои в Узбекистане. В конечном итоге, киргизское руководство вышло из трудного положения, в котором оно оказалось в результате давления со стороны России, и дало согласие на преобразование американской авиабазы в аэропорту Манас в некий транспортно-логистический узел. Правда, в отличие от авиабазы, через этот узел официально можно транспортировать только невоенные грузы. Остается также неясным, смогут ли США базировать в Манасе самолеты-заправщики, предназначенные для заправки в воздухе боевых самолетов над территорией Афганистана. В этих условиях договоренность о воздушном мосте для транспортировки военных грузов и личного состава через территорию России является важным успехом американской дипломатии. Остается, однако, открытым вопрос – какой была или могла бы быть ответная уступка США?

ОТЛОЖЕННАЯ ВОЙНА

Видимо права Ю.Л. Латынина, подчеркнув, что «самое важное, что решалось во время этого визита (имеется в виду визит Барака Обамы в Москву. – Ю.Ф.), – будет ли Россия в этом году воевать с Грузией»¹⁹. Действительно, перед российско-американским саммитом все свидетельствовало о том, что такая война готовится. Наложив вето на резолюции ООН и ОБСЕ, Россия фактически изгнала миссии ООН и ОБСЕ из Грузии. На российско-грузинской границе были проведены массированные учения «Кавказ-2009», очень похожие на те, что предшествовали войне 2008 г. в Кабардино-Балкарии, в районе Баксанского ущелья ввели режим контртеррористической операции. В военных кругах ходили многочисленные слухи о том, что война неизбежна и начнется сразу после завершения встречи на высшем уровне в Москве.

Многие комментаторы утверждают, что во время переговоров Барака Обамы в Москве ему удалось предотвратить новую агрессию России против Грузии. Обычно при этом ссылаются на фразу американского президента, сказанную им на пресс-конференции:

«Мы откровенно обсудили отношения России и Грузии. Я еще раз высказал твердое убеждение, что суверенитет и территориальная целостность Грузии должны уважаться. И хотя мы подробно обсудили наши разногласия относительно границ Грузии, мы согласились, что никто не заинтересован в возобновлении военного конфликта. Двигаясь вперед, мы должны говорить откровенно с тем, чтобы урегулировать эти разногласия мирно и конструктивно»²⁰.

Вполне возможно, что президент Д.А. Медведев действительно согласился с Барак Обамой в том, что новая война с Грузией не отвечает интересам России, тем более что слова американского президента были подкреплены появлением американского эс-

Константин фон Эггерт (Россия) – член Королевского института международных отношений – по электронной почте из США: Уровень безопасности в мире принципиально не изменился, однако ряд событий создают предпосылки для его ухудшения в будущем. Это подавление оппозиционных демонстраций в Иране и ракетные пуски Северной Кореи.

Для России к дестабилизирующим факторам можно отнести обострение ситуации на Северном Кавказе и напряженность в отношениях России и Украины.

Обмен резкими посланиями, состоявшийся между президентами Д.А. Медведевым и В.А. Ющенко – не просто следствие личной неприязни российского лидера к украинскому, а результат все более расходящихся мировоззрений российского и украинского правящих классов. Это может привести к очень жесткому конфликту в ближайшие год-два.

Визит президента Соединенных Штатов в Москву способствовал возобновлению более спокойного диалога Москвы и Вашингтона.

минца около Батуми. Вместе с тем, демонстративный визит Д.А. Медведева в Южную Осетию показал, что Москва никоим образом не готова уважать территориальную целостность Грузии. Но дело не только и не столько в тех или иных перемещениях российского президента. Как представляется, суть проблемы в том, что, отдав приказ о вторжении в 2008 г. в Грузию, российское руководство не достигло ни одной из политических и экономических целей, ради которых война была развязана. М.Н. Саакашвили остался на посту президента. Сотрудничество Тбилиси с Западом не остановлено. Перспектива вхождения Грузии в НАТО сохраняется, хотя, судя по всему, не в ближайшем будущем. Более того, Москва не смогла предотвратить планируемое строительство газопровода *Набукко*, который будет проходить через грузинскую территорию. А это уже прямой вызов не только российским военным, но и весьма влиятельным кругам, связанным с российской газовой промышленностью. Поэтому, скорее всего, новую войну не отменили, а отложили до того момента, когда ее можно будет провести с минимально возможными международно-политическими последствиями для России.

Можно предположить, что новая война будет происходить по сценарию, существенно отличающемуся от событий 2008 г. Россия создала крупную группировку войск в Южной Осетии, в том числе в Ахалгорийском районе, от границ которого до Тбилиси всего 30–40 км. Это создает возможность молниеносного броска на Тбилиси,

скорее всего ночью, захвата основных правительственных зданий, радио и телевизионных комплексов с тем, чтобы, проснувшись, грузинский народ и все остальное человечество узнали бы, что в Грузии сменилось руководство, что новый президент, приехавший в столицу на броне российского танка, пригласил в страну российские войска и отдал приказ грузинской армии не оказывать им сопротивления.

Такой сценарий позволяет, по крайней мере, теоретически избежать того, что в Москве считается самым неприятным аспектом готовящейся операции, а именно возможного вмешательства в конфликт Запада до тех пор, пока не достигнуты военные цели, прежде всего, захват столицы и утверждение у власти промосковских маршалонок. В долгосрочном плане новое вторжение в Грузию будет, разумеется, иметь для России самые неприятные последствия, вплоть до глубокой международной изоляции. Однако есть основания предполагать, что российская элита уже не в состоянии прогнозировать даже краткосрочные последствия своих действий. Об этом, например, свидетельствует реакция Москвы на резолюцию Парламентской ассамблеи ОБСЕ, посвященной преодолению тоталитарного наследия сталинизма и нацизма.

СТАЛИНИЗМ НА МАРШЕ

6 июля 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию с длинным и скучноватым названием – Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI в. В ней, в частности, говорилось, что в XX в. европейские страны «испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества». Парламентская ассамблея напомнила «об инициативе Европейского парламента объявить 23 августа, то есть день подписания 70 лет назад Пакта Молотова–Риббентропа, общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма во имя сохранения памяти о жертвах массовых депортаций и казней»; отвергла «тоталитарное правление в какой бы то ни было форме независимо от ее идеологической основы»; призвала «продолжать изучение тоталитарного наследия и повышать осведомленность о нем общественности»; выразила «глубокую обеспокоенность по поводу восхваления тоталитарных режимов, включая проведение публичных демонстраций в ознаменование нацистского или сталинистского прошлого, а также возможного распространения и укрепления различных экстремистских движений и групп, включая неонацистов и скинхедов»²¹.

Процитированный текст, разумеется, малоприятен для тех, кто склонен замолчать кошмарные преступления сталинизма и видит в И.В. Сталине некоего *эффективного менеджера*. Вместе с тем в нем нет ровным счетом ничего не только антироссийского, но и антисоветского. Там говорится о сталинизме, но не о Советском Союзе. А, начиная еще с XX съезда КПСС, советская пропаганда старательно доказывала, что никак нельзя ставить знак равенства между преступлениями И.В. Сталина и советским прошлым в целом. Фактически главный тезис КПСС, если излагать его современным языком, сводился к тому, что сталинский режим и Советский Союз – явления совершенно разного порядка и смешивать их друг с другом есть величайшее идеологическое заблуждение.

Реакция российских парламентариев на эту резолюцию заставляет вспомнить слова В.С. Черномырдина, сказанные им о членах Государственной Думы в 1990-е гг. во время очередного противостояния правительства и парламента. «Мы еще спорим, – в сердцах сказал Виктор Степанович, – проверять их на психику или нет. Проверять всех!» Возможно, бывший российский премьер погорячился. Но вот то, что у членов Государственной Думы и Совета Федерации была устойчивая и вполне заслуженная двойка по истории КПСС, сомнений не вызывает.

Действительно, через несколько дней после того, как Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла упомянутую резолюцию, Совет Федерации и Государственная Дума ответили на него своим Заявлением. Если отбросить малопонятные слова об *антиисторических провокациях* и попытках реабилитировать коллаборационистов, не имеющих абсолютно никакого отношения к букве и духу резолюции Парламентской ассамблеи, то суть этого Заявления сводится к следующим незамысловатым положениям:

- в резолюции Парламентской ассамблеи предпринята «попытка поставить на одну доску нацистскую Германию и одно из главных государств – участников антигитлеровской коалиции и учредителей ООН – Союз Советских Социалистических Республик»;
- «призыв сделать 23 августа – дату подписания договора о ненападении между СССР и Германией – днем памяти жертв в равной степени сталинизма и нацизма и попытка представить этот документ спусковым курком войны» являются «абсолютно несостоятельными»;
- резолюция является «прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от холокоста, от газовых камер и концлагерей, за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе»²².

Из первого тезиса с ужасающей ясностью следует, что российские парламентарии полностью ассоциируют Советский Союз со сталинизмом, что никак не вписывается в раз-

ворачивающуюся в России борьбу с фальсификацией истории. В резолюции Парламентской ассамблеи в полном соответствии с принципами европейской политкорректности речь идет об ответственности сталинизма и нацизма, но не об ответственности Германии и СССР.

Второй тезис попросту искажает текст и смысл резолюции Парламентской ассамблеи. В ней нет ни слова о том, что Пакт Молотова–Риббентропа стал *спусковым курком войны*, хотя, по мнению многих российских и зарубежных историков, это полностью соответствует действительности. В резолюции этот пакт увязан только с массовыми депортациями и казнями. Последнее, правда, не совсем точно. И в СССР, и в нацистской Германии массовые казни начались задолго до 23 августа 1939 г. Но если, например, вспомнить судьбу жителей Польши и прибалтийских государств, то для них массовые казни и депортации действительно связаны именно с этим злополучным днем.

Наконец, совершенно непонятно, почему резолюция «оскорбляет память» советских граждан, погибших в борьбе с фашизмом. По-видимому, российские парламентарии ставят знак равенства между сталинизмом и советским народом, что абсолютно неверно. При этом забывается тот факт, что многих жертв советский народ мог бы избежать, если бы не сознательные действия сталинского режима. Достаточно вспомнить, что по вине тогдашнего советского руководства, как политического, так и военного, сосредоточенная в западных военных округах советская армия была разгромлена в первые недели войны и потеряла миллионы человек.

В процессе подготовки данного обзора я не был уверен в том, что эпизод с резолюцией Парламентской ассамблеи и ответом на нее российских депутатов заслуживает отдельного разговора. Это не первый и, увы, не последний случай, когда российский парламент попадает впросак в силу излишнего идеологического рвения и скверного образования его членов. Плохо другое. Малограмотное и фальшиво эмоциональное заявление Государственной Думы и Совета Федерации полностью вписывается в происходящую в России целенаправленную попытку внедрить в массовое сознание очередной исторический миф, неотъемлемым элементом которого является реабилитация сталинизма. Инициаторы этого идут по стопам самого И.В. Сталина, который в конце 1920-х гг. пересмотрел доминировавшую тогда историческую концепцию и *реабилитировал* Ивана Грозного, Петра Первого и других персонажей с весьма сомнительной репутацией. Но эксперименты с историей кончаются плохо. Борьба И.В. Сталина с фальсификацией истории стала одним из подготовительных мероприятий Большого террора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свое время великий немецкий философ Георг Вильгельм Гегель меланхолически заметил: «Опыт и история учат нас тому, что люди и правительства никогда и ничему у истории не научились». Международные события весны-лета 2009 г. подтверждают этот пессимистический вывод. Так, вместо того, чтобы всерьез заняться приведением в чувство тегеранских и пхеньянских лидеров, Москва и Вашингтон занялись разработкой нового договора по стратегическим вооружениям. Последний может лишь зафиксировать складывающееся соотношение сил между Россией и США, но не сможет его изменить сколько-нибудь заметным образом. Фактически, российские и американские переговорщики с важным видом имитируют своих предшественников времен холодной войны. Между тем, и на Дальнем, и на Ближнем Востоке назревают серьезные потрясения. Не исключена новая война на Кавказе, которая обернется изоляцией России, что, впрочем, вполне вписывается в планы тех, кто готовит реставрацию сталинизма. В Вашингтоне пока еще не осознали, что война в Афганистане выиграна быть не может, и чем дольше американские войска будут там оставаться, тем тяжелее будет афганский синдром. А в целом, если только руководители ведущих демократий не осознают необходимость глубоких изменений политической стратегии, то, что сегодня кажется историческим фарсом, обернется новой исторической трагедией.

Юрий Федоров

Стало банальностью ругать глобальный экономический кризис. Что, мол, он начинает разрушать сложившиеся за последние годы системы интересов и баланса сил, хотя можно подумать, что эта система оставалась минимально прочной к 2007 г., не говоря уже про 2008 г. Что в условиях экономического кризиса невозможно обеспечить глобальный устойчивый экономический рост и, как следствие, начать разрешать социально-экономические проблемы *четвертого мира*, то есть стран, не способных к самостоятельному развитию. Можно подумать, что это собирались делать за счет денег *финансового пузыря*. Наконец, утверждается, что глобальный экономический кризис повышает уровень военно-политической напряженности в мире, обостряя конкуренцию различных государств за ресурсы. Вот это правда. Однако это только часть правды, и притом не самая важная.

Правда же состоит в том, что кризис значительно ускорил процессы формирования новой глобальной геополитической реальности. Реальности, в которой отражаются новые тенденции и феномены, в которой формируются новые процессы, имеющие прямое отношение и к международным отношениям, и к вопросам глобальной безопасности. Конечно, вряд ли в рамках этой работы можно со всей полнотой описать данную реальность, однако некоторые ее черты стоят того, чтобы быть, как минимум, упомянутыми.

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Новая геополитическая реальность будет развиваться в условиях относительного увеличения значимости финансовых инструментов при масштабном разрушении ранее сложившейся системы управления мировой экономической системы за счет деятельности крупных транснациональных корпораций. То есть продолжать править миром будут деньги, но управляющие поменяются, и притом очень серьезно.

В новой геополитической реальности все большую роль для обеспечения геополитической устойчивости государства приобретает контроль над ключевыми транспортными коммуникациями. Едва ли кто-то станет с этим спорить, глядя на то, как идет борьба за старые и создание новых транспортных коридоров и систем, причем есть основание полагать, что мы только еще в начале процесса.

В новой геополитической реальности происходит явная *ренационализация* внешней (не говоря уже о внутренней) политики ключевых государств. Да и в целом, идея национального суверенитета возвращается в число основных постулатов поведения государств. Особенно очевидно это становится, если приглядеться к ситуации в Европейском Союзе, где за разговорами о Лиссабонском соглашении просвечивает стремление обеспечить максимальную свободу рук. И это вопреки тому, что еще три-пять лет назад термин *суверенитет* воспринимался как почти нецензурный.

Новая геополитическая реальность будет во многом развиваться в русле конфликта Север–Юг, что будет связано с попытками сравнительно более богатого, но сильнее затронутого кризисом Севера редуцировать свои формальные и неформальные обязательства перед Югом, одновременно оградив себя от многих последствий современного состояния Юга. Именно поэтому идея борьбы с нелегальной миграцией становится одной из центральных, почти консолидирующих и в ЕС, и в США.

Современная ситуация будет во многом определяться поисками новой технологической платформы в энергетике, поскольку кризис доказал, что чрезмерная зависимость экономического роста от цен на углеводороды является безусловным и абсолютным злом. В целом, возможности дальнейшего развития углеводородной экономики явно подошли к концу. Именно поэтому на удивительно высоком для нынешних цен на нефть уровне сохраняется интерес и к атомной энергетике, и к альтернативным источникам энергии.

Новая геополитическая реальность будет характеризоваться более высоким уровнем напряженности как чисто политической, так и, в ряде случаев, военно-политической

в проблемных государствах, не успевших полностью сформировать свои государственные системы. Иными словами, проблемные территории, которые наши американские друзья неделикатно называют *failed states*, не смогут рассчитывать на столь же щедрую, как и раньше, поддержку спонсоров и окажутся не способными решать свои проблемы самостоятельно.

Иными словами, если отбросить научность, новый мир будет миром тотального передела собственности за счет ранее накопленных финансовых ресурсов, и при таком переделе собственности могут начать постреливать. И, кажется, будет правильным рассматривать события последних трех-четырёх месяцев не как индивидуальные события и процессы, а как часть большой картины. Картины, которая еще не нарисована окончательно, сюжет которой, однако, уже понятен. Эта картина посвящена тому, как, а вернее, какими методами, будут управляться процессы в сфере международной безопасности в ближайшие 30 лет. А главное – с использованием каких механизмов и технологий будет происходить селекция субъектов и объектов мировой политики.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: КОНЦЕПЦИЯ СРЕДНЕГО БРАТА

Слышатся упреки в адрес российского руководства в том, что оно все *сдало* на переговорах с Барак Обама только за то, чтобы он снизил накал антироссийской риторики. С этими упреками никак нельзя согласиться. На антироссийскую риторику из Вашингтона уже давно никто не реагировал, поскольку *болевого порог* оказался пройден во время операции по принуждению М.Н. Саакашвили к миру. Вопрос – в другом: насколько удачной была та форма, в которой Россия вышла из состояния потенциальной конфронтации с США. В конечном счете, неужели кто-то всерьез верит, что Россия, что до кризиса, что в период этого кризиса, который ударил по российской экономике куда более жестко, нежели по многим другим странам, была способна на какую-то длительную конфронтацию с США? Да, полноценного *Брестского мира*, о надежде на который я говорил в прошлом обзоре, не случилось²³. Более того, объективно *поле битвы* осталось в целом за американской стороной, и это большой вопрос к российской дипломатии. Но ведь мы еще в начале нашего пути, и, думается, дальнейшее общение с Барак Обама и его администрацией убедит российских руководителей в том, что менять смягчение позиции на смягчение риторики – дело, конечно, хорошее, но кончается, как доказал нам опыт М.С. Горбачева, как правило, плохо. Прежде всего, плохо для тех, кто соглашается на такой обмен. В лучшем случае они начинают рекламировать американскую пиццу.

Но, с другой стороны, говорить о полном поражении Москвы в торговле (именно торговле, а не конфронтации) с Вашингтоном также несправедливо. США не отказались ни от одной из своих позиций, а отказ от размещения ПРО есть отказ от намерения, и этот отказ, вероятно, является временным. Пока ничего трагического в сфере сокращения стратегических вооружений не произошло, и есть возможность в дальнейшем вести более предметный диалог, который будет не в пример более эффективным, если замечательная во всех отношениях, кроме своего предназначения, ракета *Булава* наконец куда-то долетит (и, возможно, даже куда-то попадет, хотя верится в это с трудом). Именно это и даст возможность российскому руководству демонстрировать куда большую уверенность в разговоре о количестве развернутых и складированных боеголовок.

Из этой же области – и согласие на транзит военных грузов в Афганистан. Неужели хоть кто-то в России стремится добиться вывода контингента НАТО из Афганистана? Это не просто создаст дополнительные сложности и угрозы для России в виде дестабилизации обстановки на южных рубежах СНГ, но и поспособствует тому, чтобы НАТО как военный альянс приобрело куда большую оперативную гибкость, нежели сейчас. Цель России заключается в том, чтобы войска НАТО успешно продолжали свою миссию в Афганистане, а желательно – еще и в Ираке как можно дольше, а лучше – вечно. Ибо пока НАТО наскребает контингент для операций в предгорьях Гиндукуша, вряд ли у натовских стратегов будет реальная возможность думать не только о Среднерусской возвышенности, но и о Днепровском плоскогорье и даже о Закавказье.

 Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), *посол, профессор университета Коломбо – по электронной почте из Коломбо:* Ситуация в сфере глобальной и региональной безопасности изменилась в лучшую сторону. На глобальном уровне этому способствует готовность Барака Обамы скорее к переговорам, нежели к конфронтации. Перспективы достижения прогресса по вопросам ядерного оружия между Россией и США, состоявшийся диалог между США и Китаем стали позитивным импульсом в развитии международной ситуации. Взвешенное решение индийских избирателей проголосовать за умеренный *Индийский Национальный Конгресс*, нежели за воинственную *Бхаратия джаната парти*, вместе с умеренным курсом современного гражданского руководства Пакистана повлияло на снижение уровня напряженности в регионе. Индия и Пакистан солидарны в том, что терроризм представляет основную угрозу безопасности.

Негативным фактором остается ястребиная администрация Нетаньяху в Израиле и разжигание ею истерии в отношении Ирана. К числу негативных явлений можно отнести усиление американской военной активности в Афганистане, особенно большое число жертв среди мирных жителей из-за авиаударов, которые все больше отчуждают пуштунов Афганистана и Пакистана.

В целом позитивные тенденции сохраняются благодаря улучшению отношений между Россией, США и Китаем и снижению накала американо-северокорейской напряженности. Опасность – израильская пропаганда против Ирана.

В конечном счете, в отношениях с США и, в меньшей степени, с НАТО Россия должна следовать концепции *среднего брата*. Не младшего брата – эдакого геополитического Иванушки-дурачка, который все ходил за счастьем и потом купался в крутом кипятке и кипящем молоке. Эту роль стоит оставить Украине с Грузией: если у элит этих стран есть желание нырнуть в кипяток в надежде на превращение в принца, то наше дело – проконтролировать всплытие на поверхность сварившегося тела и организовать его достойные, как говорится, *с уважением*, похороны. Средний брат никуда за счастьем не ходит, а сидит спокойно в своем лабазе, накапливая ресурсы. Он с уважением, а порой и с некоторой завистью относился к старшему брату, богатею-капиталисту, не забывая его при случае нагреть, но оберегая его словом, а порой и делом от ошибок и глупых поступков. Таких поступков, например, как прием Грузии в НАТО или чрезмерное заигрывание с европейским фашизмом.

Россия должна как бы говорить, почти шептать США: «Старший брат, мы согласны с тем, что ты старший, тем более что это правда. Но вот сейчас, конкретно сейчас, ты делаешь большую глупость. Не делай ее, остановись, а то я вынужден буду отравить стрихнином твою любимую кошку, а будешь дуришь дальше – подпалю сарай».

И мне кажется, что в ходе московских переговоров Д.А. Медведева и В.В. Путина с Барак Обама именно такое понимание модели взаимоотношений с США и начало пробивать дорогу через риторику и обиды прошлого.

Но тут почему-то на ум приходит следующее: львиная доля проблем в российско-американских отношениях последнего времени произрастала из того, что российское руководство, установив почти доверительные отношения с Джорджем Бушем, не смогло достичь хотя бы минимального взаимопонимания с вице-президентом Ричардом Чейни, который и был реальным руководителем США в последние восемь лет, пока Джордж Буш разговаривал с богом и давился солеными крендельками. Именно Ричард Чейни

принимал все основные решения, именно он отдавал приказы ЦРУ, именно он создавал систему управляемой демократии в США. И именно он стоял за ухудшением российско-американских отношений в последние годы, причем во многом только потому, что Москва не учитывала, да и не понимала его бизнес-интересов на постсоветском пространстве.

Барак Обама может играть роль американского аналога Е.В. Петросяна, отпуская шутки на различных тусовках. Он может лихо убивать мух на глазах у изумленной публики. Барак Обама может завлекательно – куда убедительнее Джорджа Буша – вещать о демократии. Но не окажется ли через некоторое время, что человеком, который реально принимал решения в Вашингтоне, был тихий и внешне незатейливый вице-президент Джоозеф Байден, плоть от плоти американской аристократии, человек, связанный со всеми важнейшими лоббистскими группировками, человек, мудрость и знания которого не подвергали сомнению даже неокконы-консерваторы. Человек, который мало говорит и, возможно, очень много делает. И не будет ли стратегической ошибкой, бросаясь в объятия обаятельного Барака Обамы, забыть про того, кто, возможно, и является реальным руководителем *единственной сверхдержавы*?

Может, на этот раз подстрахуемся?

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК, ИЛИ СИМВОЛ НЕИЗБЕЖНОСТИ

Не устают развлекать политиков и политологов Пхеньян. Но хочется задать вопрос: не кажется ли, что мы все это уже видели? И ракетные или псевдоядерные испытания, и жесткие заявления США, и ответные еще более жесткие заявления Пхеньяна, и испуганное бессилие Сеула, и ровно такое же бессилие Пекина, искусно прикрываемое намеками на какие-то *особые* отношения с КНДР, и заявления Москвы о том, что она не даст Западу загнать КНДР в угол, и обещания ввести новые санкции, и довольно остроумное хамство северокорейцев в адрес американских руководителей. А главное, мы уже почти точно знаем, что будет дальше, причем с точностью до конкретных решений. Дальше не будет ничего.

Можно ругать северокорейское руководство и лично Ким Чен Ира, способность которого реально руководить страной сейчас уже далеко не очевидна (и, тем не менее, КНДР свою геополитическую игру успешно продолжает). Можно говорить о дестабилизирующем характере действий КНДР, однако будет более продуктивным задуматься: а не являются ли действия Пхеньяна следствием общей военно-политической ситуации в регионе. Не является ли нынешний кризис свидетельством того, что в условиях нарастания военно-политической напряженности в регионе в целом Северная Корея как слабейший игрок (а то, что это наиболее слабое и уязвимое государство в регионе, очевидно для всех) сможет выжить, только если будет действовать жестко и нагло. А главное – если сыграет на опережение.

Мы, заиклившись на северокорейской ядерной программе, упускаем из виду, что данная ситуация развивается не сама по себе, а в цепи других, возможно, менее ярких, но, вместе с тем, весьма важных событий последнего года. Назовем лишь некоторые из них.

- ❑ Приход к власти в Токио кабинета, который впервые с окончания Второй мировой войны начал публично озвучивать реваншистские лозунги, ранее доступные только экстремистам. И это – в условиях тяжелейшего экономического кризиса.
- ❑ Резкая дестабилизация ситуации в этнических районах Китая, которая явно имеет внешнее происхождение и источники стимулирования, а главное – последствия этой дестабилизации будут иметь значение для всего региона, и не только.
- ❑ Резкое обострение противоречий между Китаем и Вьетнамом по территориальному вопросу, за которыми уже маячат куда более значительные проблемы, каса-

ющиеся и других государств в регионе. Как странно, что все как будто боятся произнести вслух магическое слово «Спратли».

- Обострение отношений между Токио и Сеулом в связи с националистическим креном в японском правительстве, которое вновь начинает рассматривать период 1933–1945 гг. как эпоху привнесения народам Юго-Восточной Азии и Китая подлинной цивилизации.

Сухой остаток весьма прост: за последние полтора года общий уровень политической, а как следствие – и военно-политической напряженности в Северо- и Юго-Восточной Азии заметно, если не сказать резко, повысился. И это в условиях отсутствия даже намека на существование кооперативных механизмов обеспечения безопасности. Единственное *светлое пятно* – относительная стабильность в отношениях между Китаем и Тайванем, но это *светлое пятно* только подтверждает общую мрачную картину. Отсюда вопрос: а не является ли периодически возникающая напряженность вокруг Северной Кореи тем самым громоотводом, за счет которого смягчаются куда более важные и опасные региональные противоречия, грозящие перерасти в конфликт? А Северная Корея, сыграв роль *enfant terrible*, также не остается *в накладе*, не только получая очередную порцию гуманитарной и финансовой помощи, но и фиксируя на каждом витке кризиса свой статус как ведущего и важнейшего игрока в системе международных отношений.

Вот только в какой-нибудь момент эта взаимовыгодная цепочка имитации конфронтации порвется и все, включая и Россию, столкнется с необходимостью противостоять реальным, а не фантомным угрозам. И надо помнить, что Северо-Восточная Азия – один из очень немногих регионов сегодняшнего мира, где возможна реальная *большая война*.

АФГАНИСТАН: ОЧЕРЕДНОЕ ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ТАЛИБОВ, ИЛИ БЕГ ПО ЗАМКНУТОМУ КРУГУ

Сейчас уже можно произнести вслух то, что в принципе было очевидно еще в начале июля: широкомасштабное наступление войск западной коалиции против талибов на юге Афганистана провалилось, несмотря на попытки объявить о грандиозной победе. И дело тут не только в том, что ни один из ключевых пунктов в южных провинциях не был коалицией отбит, и даже не в том, что потери коалиции были просто-таки зашкаливающими (за месяц в Афганистане погибло больше солдат коалиции, нежели в Ираке за последние три месяца). И не в том, что талибы получили колоссальный моральный стимул, сорвав решительное наступление натовцев. Проблема в том, что, провалив наступление на юге и не получив твердого контроля над западными провинциями в Пакистане, несмотря на применение тактики *выжженной земли*, США и их союзники начинают явно терять инициативу в Афганистане. Показательно, как быстро затихли разговоры о необходимости бороться за *умы и сердца* афганцев – речь уже идет только о том, чтобы сохранять видимость стабильности.

Понятно, что талибы не смогут завтра захватить Кабул, понятно, что пока наибольшие проблемы проявляются на юге Афганистана, который редко когда контролируется центральным правительством. Однако становится все более очевидным, что многонациональные силы оказываются запертыми в крупных городах, оставляя практически на откуп талибам сельскую местность и в том числе важнейшие транспортные коммуникации. И теперь талибы, а не США и их союзники, начнут определять, где появится новое *поле боя*, и смогут куда более активно вести торговлю относительно условий своей *реинтеграции* в политическую систему Афганистана. А это, само по себе, будет фундаментальным поражением всей политики Запада в Афганистане за последние восемь лет.

Мораль в данном случае очень проста: за разговорами о *решительном наступлении* войск НАТО на позиции талибов скрывается весьма неприглядная реальность –

Е.Я. Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по электронной почте из Москвы: Негативное влияние на региональную безопасность оказали наступление исламистов в Сомали, начало вывода войск из Ирака, расширение зоны влияния талибов и других исламистов в Пакистане. Позитивно на состоянии безопасности отразилась антиталибская операция США, Великобритании и Пакистана в зоне афгано-пакистанской границы и в провинции Гильменд, раскол в руководстве Ирана, подготовка Израиля к нанесению удара по иранским ядерным объектам. К числу наиболее вероятных точек роста нестабильности в регионе следует отнести невнятную политику Обамы, невозможность ведения США войны на несколько фронтов, ослабление иракского направления с возможным конфликтом между арабами и курдами Ирака из-за Мосула, обострение обстановки в районе Африканского рога.

у Альянса нет никаких идей, касающихся реконструкции Афганистана, формирования там нормальной политической и социальной системы. Более того, нет никаких идей относительно того, как победить талибов в *сердцах и умах* афганцев. И в результате натовцы пошли по пути советских военных и политиков, которые через некоторое время после ввода войск *по просьбам афганских трудящихся* пришли к выводу о том, что для того, чтобы победить в Афганистане, надо распространить боевые действия и на Пакистан, где расположены основные базы моджахедов. Но при этом Советский Союз, *во-первых*, реально создавал в Афганистане экономическую инфраструктуру, которая, к слову, существует и по сей день, а про *экономические объекты*, созданные при участии стран НАТО, ничего не слышно. *Во-вторых*, СССР сравнительно успешно осуществлял стратегию *афганизации* военных действий, показателем успешности которой стало то, что союзники СССР после того, как горбачевское руководство их, просто говоря, предало, смогли продержаться довольно длительное время, несмотря на то, что моджахедам шла колоссальная военная помощь. Сомнительно, чтобы Хамид Карзай смог усидеть на своем кресле больше, чем понадобится талибам, чтобы спуститься с отрогов гор в центр Кабула после

того, как натовцы, объявив о победе, отбудут к местам постоянной дислокации.

Вопрос только в том, есть ли у Барака Обамы, который уже объявил, что Афганистан является важнейшим внешнеполитическим приоритетом США, политическая воля, чтобы переломить весьма неблагоприятное развитие ситуации. Переломить – это значит решиться на резкую эскалацию боевых действий (не только в Афганистане, но, вероятно, и в Пакистане), а главное – изменить подход к американскому присутствию в этой стране. Иными словами, перейти от стратегии уничтожения талибов к стратегии контроля территории. И пока признаков того, что Вашингтон готов перейти от рассуждений к реальным делам, нет. А главное – нет признаков того, что у Вашингтона есть ресурсы на изменение стратегии. В конечном счете, все, что делают США в Афганистане сейчас, с военно-политической точки зрения – совершенно откровенный *эконом-класс*, то есть создание видимости большой военной активности при явной экономии денег и ресурсов. Причем как-то показательно умолкли разговоры о том, что европейские страны – члены НАТО готовы взять на себя свою часть *бремени* стабилизации Афганистана. Видимо, мировой финансовый кризис все же скорректировал планы натовских стабилизаторов.

И все это создает для России большую угрозу, поскольку при всем уважении к нашей стране, поднявшей с колен К.А. Собчак, никто из серьезных специалистов не рискнет предположить, что в современном состоянии Россия сможет эффективно сдерживать угрозу распространения агрессивного ислама в Центральной Азии.

АТЛАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ИЛИ ЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕАТР ТЕНЕЙ? К 50-ЛЕТИЮ НАТО

Странные дела творятся на Европейском полуострове, который продолжает считать себя центром Вселенной. Чем больше заявлений о нерушимости *европейского единства*, тем больше признаков того, что это единство все больше под вопросом. А сам по себе юбилей Альянса стал лишь поводом к тому, чтобы вновь поднять вопрос о системе европейской безопасности и структуре отношений между основными игроками. Я не имею в виду общеевропейскую систему безопасности, о которой пытается говорить Россия, которую никто не слышит потому, что не слушает. Не слышат, видимо, потому, что европейская безопасность является некоей удобной политической фикцией, о которой можно говорить вечно, не предпринимая усилий для ее создания. Я имею в виду систему европейской безопасности в узком смысле этого слова: как систему военно-политических и политических альянсов в Западной Европе, ибо, как доказала политическая практика последних 15 лет, безопасность *делима*. Показателем этого является то, что после возобновления заседаний Совета Россия–НАТО выяснилось, что ему нечего обсуждать из по-настоящему важных вопросов.

Пока вопрос о европейском единстве является сугубо политической проблемой, фактически всего лишь индикатором того, достаточно ли общей экономической базы для выстраивания политических отношений. Дело не в том, что *младоевропейцы* начинают со все большей наглостью требовать своего кусочка общеевропейского пирога. Изначально было понятно, что рано или поздно это произойдет, а экономический кризис только ускорил этот процесс, поскольку выяснилось, что *новая Европа* в общем-то ничего без *старой* из себя не представляет. И теперь для того, чтобы выжить, *новая Европа* должна стать в атлантических и европейских структурах главной и развернуть на себя все основные общеевропейские финансовые потоки. *Старая Европа*, конечно, *дала бой* натовским неопитам, причем как в рамках ЕС, так и, что особенно показательно, в рамках НАТО, продемонстрировав, что готова *выносить сор из избы*. Однако избрание Андерса Фога Расмусена (сопровождавшееся беспрецедентными распрями, которые никто даже не считал нужным скрывать) только подтвердило, что без поддержки США *старая Европа* вряд ли способна отстаивать свои интересы в Альянсе.

И как же на этом фоне выглядит празднование 50-летия Североатлантического Альянса? А выглядит оно, надо сказать, очень странно, оставляя ощущение не столько вселенского торжества, сколько поминок. Еще не по НАТО как таковому, но по той роли и тому статусу, который НАТО имел в европейской системе безопасности в последние 20 лет.

Во-первых, празднуется событие, которое действительно имело колоссальное влияние на развитие всей системы международных отношений, нарочито скромно. И это явно не является следствием вдруг нахлынувшей на натовцев скромности. Ведь еще пять-шесть лет назад НАТО объявлялось чуть ли не центром Вселенной, а фраза о том, что НАТО является «самым успешным военным альянсом в истории», была обязательной в любом выступлении. Понятно, что экономический кризис, который, несмотря на хорошую мину, имеет для Европы весьма жесткие последствия, сказался и устраивать гульбище на глазах у миллионов безработных не хотелось. Но не до такой же степени... В конечном счете, деньги на то, чтобы устроить форменный дебош в нищем Бухаресте, год назад нашлись.

Во-вторых, у торжеств практически отсутствует какая-либо *внятная повестка дня*. В принципе, было бы очень логично, если бы на полупраздничных мероприятиях обсуждались бы вопросы дальнейшего развития Альянса, его целей и задач. Ничего подобного! По сути дела, на праздновании говорили не столько о будущем, сколько о славном прошлом. Стало совершенно очевидно, что НАТО не имеет сколько-нибудь *внятного плана развития*, а решения принимаются в зависимости от складывающейся конъюнктуры. То есть, говоря проще, НАТО даже с учетом *руководящей и направляющей роли США* играет *вторым номером*, следуя за событиями, а не определяя их.

В-третьих, юбилейный саммит НАТО, который мог бы стать *саммитом победителей*, превратился в какое-то невнятное зрелище, главным результатом которого было – по крайней мере, об этом трубили все западные газеты – сохранение единства Альянса. То есть была четко задекларирована цель на обозримую перспективу, почти как

у Ю.С. Семенова в одной из книг про Штирлица: «Приказано выжить». Поэтому отказ от форсированного приема в НАТО Украины и Грузии был результатом не столько нежелания обострять отношения с Москвой тактически, сколько более глубоких опасений относительно судьбы Альянса. А главным вопросом, который будоражил умы европейских *атлантистов*, стала проблема сохранения единого с США понимания целей и задач развития. Ведь именно от США зависит выживание НАТО как организации, от которой хоть что-то в этом мире зависит. Что и требовалось доказать.

И возникает странный, на первый взгляд, вопрос: а насколько Россия заинтересована в ослаблении или даже в развале НАТО? Ведь, как это ни странно, несмотря на периодические скандалы и обещания *решительно противостоять*, Россия чувствует себя вполне комфортно, сожительствуя с НАТО. Прежде всего, потому, что эта организация до предела предсказуема и нарастающее немобильна. От НАТО вряд ли можно ждать каких-то революционных политических действий, а военная боеспособность Альянса существенно ограничена необходимостью сдерживать войска в Ираке и в Афганистане. И есть основания полагать, что Россия не будет чувствовать себя столь же вольготно и где-то даже нагло, если на месте НАТО вдруг образуется неформальное (а затем неизбежно – и формальное) более компактное по размерам объединение государств, конечно, под эгидой США, которое будет способно на куда более агрессивные и жесткие действия, включая предоставление прямых военных гарантий государствам, к которым у России есть вопросы. Так, может, не стоит так уж радоваться кризису в Альянсе, а напротив, стоит подумать о том, чтобы предложить НАТО варианты, при которых полуживое состояние Альянса сохранится как можно дольше?

ИРАН: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПЕРЕСТРОЙКА

На фоне истерики на Западе о *растоптанной надежде на демократию* в Иране как-то сам собой затерялся вопрос: а что же это все-таки было? И имеют ли события в Иране какое-то отношение к вопросам международной безопасности и стратегического баланса сил? Берусь доказать, что имеют.

Нравится это кому-то или нет, но применительно к Ирану мы явно имели попытку спровоцировать новую цветную революцию, которую впору назвать *фисташковой*, поскольку значительную роль в ней пытались играть те иранские деятели, которые связаны с могущественной семьей бывшего президента Ирана Али Акбара Хашеми Рафсанджани (а Мир Хусейн Мусави, игравший роль то ли иранского Горбачева, то ли иранского Саакашвили, что скорее, – человек этой влиятельнейшей в Иране семьи, который вряд ли способен на самостоятельные действия), которая сделала состояние на торговле фисташками.

Разговоры о том, что это было спровоцированное нечестностью властей народное восстание, к которому Запад не имеет никакого отношения, убеждают слабо. Напротив, убеждает в спланированности и *импортном* характере данных событий абсолютно скоординированная кампания в западных СМИ, которая почти сразу была поддержана на политическом уровне. И даже не то, что западные корреспонденты обладали немислимым для иранских условий уровнем информированности. И даже не то, что доктор, якобы спасавший погибшую якобы от рук басиджа студентку, неожиданно быстро после этого оказался в Лондоне (где же еще?), откуда стал вдохновенно вещать про демократию. И даже не то, что Мусави, имевший устойчивую репутацию трусоватого политика, да еще и подкаблучника (что в исламской стране в отличие от некоторых других является почти приговором), никогда не проявил бы столь поразительную – по-другому не скажешь – *упертость*, если бы не чувствовал за собой поддержку очень и очень влиятельных сил. И даже не то, что на определенном этапе в иранских событиях появились естественные для любой управляемой Западом цветной революции антироссийские лозунги. Убеждает в спланированности событий, прежде всего, сходство технологий и методов осуществления уличной революции, которые в современный Иран могли принести только извне – сами по себе такие знания не возникают.

И появляется странный, казалось бы, вопрос: а зачем в Иране европейские страны (у США возможностей влияния на внутреннюю ситуацию в Иране и тем более организации контролируемых политических групп практически нет) попытались сконструировать –

 Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива – по электронной почте из Дубая: Обострение ситуации в Иране оказало негативное влияние на состояние безопасности во всем регионе Залива, стало новым дестабилизирующим фактором в этой неустойчивой обстановке. Президент Махмуд Ахмадинежад, оказавшийся под растущим давлением, похоже, не намерен идти на компромиссы ни по одному из аспектов ядерной программы и будет склонен к резким движениям во внешней политике. Усиливающийся антагонизм во внешнеполитических делах становится для иранского руководства поводом отвлечь внимание от внутригосударственных проблем.

Состоявшиеся в Ливане и в курдской автономии Ирака выборы прошли относительно спокойно и без особых нарушений. Однако эти небольшие подвижки необязательно говорят об улучшении политического климата.

Движение в направлении какого-либо разрешения иранской ядерной проблемы или арабо-израильского конфликта вновь прервано, а значит, напряжение в регионе будет расти.

естественно, в меру своих способностей и возможностей – *цветную революцию* наподобие тех, которыми США до самого последнего времени пугали своих недругов?

На первый взгляд, логика авторов этой новой революции была крайне проста: хотя Мир Хусейн Мусави (политик, по опыту предыдущих лет, сравнительно слабый) в страшном сне не мечтал о каком-то коренном изменении характера иранского режима, в случае прихода к власти он был бы вынужден – как и М.С. Горбачев в свое время – ради противостояния с внутриполитическими противниками все больше и больше принимать позицию Запада. Который, в свою очередь, уже обозначил тот набор уступок со стороны Ирана и тот набор бенефиций, которые иранские политики смогут получить в обмен. И что смешно, бенефиции эти сводились к возможности получения иностранной финансовой помощи для стабилизации экономической ситуации и включение иранского руководства в круг *системных* мировых политиков, которые допущены к общению с глобальными державами. Ничего не напоминает? Не этим ли завлекали М.С. Горбачева его друзья-приятели Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган?

Но неужели кто-то всерьез верил, что весьма матерые иранские радикалы, контролирующие и спецслужбы, и Корпус стражей исламской революции, и полицию, и армию, спасуют перед лицом студентов и зачаточного среднего класса, ненавидимого провинцией уже только за те небольшие проявления *европейскости*, которые сейчас дозволены в Иране? Думается, что надежда на это была, но, конечно, ни один серьезный политик даже в Европе

не мог сделать на это единственную ставку. И не исключено, что ставка была как раз на провал революции с неизбежными последствиями и естественный срыв намечавшегося американо-иранского диалога.

Диалога, который – с учетом понятных и всем известных внутренних проблем Ирана и желания значительной части элиты интегрироваться – мог бы привести не только к *мягкому* сценарию ухода США из Ирака, но и к столь же изящному сокращению американских обязательств в отношении своих союзников в Афганистане. Показательно, как поначалу нехотя и в весьма осторожных выражениях вашингтонские лидеры осуждали режим аятолл за *непропорциональное* применение силы и как последовательно с использованием неправительственных организаций и разного рода правозащитников из США выдавливали слова осуждения в адрес Тегерана.

Если это так, то стоит, *во-первых*, поздравить наших европейских друзей с блестяще проведенной комбинацией, после которой они могут быть уверены в том, что США никуда

не уйдут ни из Ирака (поскольку самый простой способ для иранских радикалов отомстить американцам – это испортить им жизнь в Ираке), ни из Афганистана. *Во-вторых*, следует признать и запомнить тот факт, что европейцы (вероятно, прежде всего, британцы, но не без участия Франции, контактами с которой очень гордились *умеренные* иранские политики) вдруг оказались способны на действительно крупную геополитически значимую комбинацию и имеют инструменты влияния на политические процессы в ключевых странах. *А в-третьих*, продолжая клеймить США за их практику *цветных революций*, надо помнить, что, поскольку европейцы также овладели этим искусством, именно они, а не только американцы, вполне могут попытаться испытать эти инструменты в России.

Что касается Ирана, то у США после того, как европейцы технично *подставили* нового хозяина Белого дома, отрезав ему путь к переговорам с Тегераном, не осталось другого варианта *спасти лицо*, кроме как осуществить хотя бы и ограниченную силовую акцию. Либо своими руками, либо руками Израиля. После чего американцам путь в Тегеран будет заказан еще лет на 15, а европейцы смогут снять все возможные *сливки* с восстановления отношений с посткризисным Ираном, тем более что все понимают, что нынешний президент Махмуд Ахмадинежад – не просто *подстреленная*, но уже и *ощипанная* утка и иранская элита так или иначе будет вынуждена искать контактов с внешним миром на приемлемых условиях.

Отсюда – следующий вопрос: о чем думали наши европейские партнеры, начиная столь рискованную комбинацию? Ответ: о чем угодно, только не о продвижении в Иран демократических ценностей и идеалов. Кажется, они, прежде всего, думали о том, кто будет в дальнейшем управлять колоссальным геополитическим потенциалом Ирана, способным как разрушить, так и скрепить любую региональную систему безопасности. Думали о том, кто сможет использовать в своих интересах весьма значительный военный потенциал Ирана, накопленный за последние годы. Думали о том, кто и как будет интегрировать Иран в новый геополитический контекст на Большом Ближнем Востоке, попытку формирования которого мы, вероятно, сейчас наблюдаем.

Кстати, очень показательны появившиеся в западной печати статьи о том, что иранская атомная бомба – уже случившаяся реальность и надо просто учиться тому, как выстраивать систему отношений в регионе с учетом данного фактора. Цинично, но вполне в духе сценариев *фисташковой революции*.

ВНЕ КОНТЕКСТА: ЗАСНУВШАЯ ЭЛИТА, НЕПРОБУДИВШАЯСЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

В завершение обзора хотелось бы попытаться понять, насколько Россия в современном своем состоянии соответствует ключевым чертам и свойствам новой геополитической реальности. Наверное, мысль о том, что государственность, особенно зарождающаяся, *контекстна*, то есть ее свойства и потенциал появляются, укрепляются, а она сама самоутверждается в зависимости от *вписанности* в глобальные процессы, покажется кому-то спорной, но, тем не менее, она имеет право на существование. Если мы воспринимаем современную Россию именно как самостоятельное государство, а не как обрубок, оставшийся от СССР, то мы должны признать, что и наша государственность *контекстна*. И весь вопрос в том, как мы вписываемся в этот самый контекст.

Объективно оценивая положение нашей страны, с сожалением приходится констатировать, что Россия продолжает оставаться вне контекста. И главное даже не то, что Россию начинают обыгрывать в борьбе за контроль над созданием новых транспортных коридоров в Европу. В конечном счете, сокращение доли российского присутствия на рынке углеводородов стран ЕС почти автоматически означает сокращение зависимости России от ЕС, что само по себе является безусловным благом. И не то, что российская финансовая сфера оказалась сборищем откровенных паразитов, не способных ни на что, кроме воровства бюджетных средств, и ей на просторах глобальной экономики просто нечего делать. И даже не то, что происходящий под радостные рапорты о стабилизации экономической спад обнажает полное отсутствие у властей адекватных экономических идей.

Самое главное то, что российская элита, вроде бы восторженная при падении цен на нефть до 35 долл. США, более того, начавшая проявлять отдельные признаки здравого ума, вновь успешно погрузилась в нефтегазовый наркотик по мере выхода барреля нефти к 65 долл. Этот сон разума пока еще не рождает чудовищ социального взрыва, да и то в силу сохранения у значительной части общества надежд на скорое выздоровление. Но страшное для современной элиты слово *модернизация*, имеющее прямое отношение к тому контексту, в который России следует вписаться в ближайшие годы, произносится с нарастающим раздражением. Оно мешает нашей элите спать. Вопрос, однако, в том, что спящая элита может проспять свою смерть. И, может быть, с исторической точки зрения это будет логично. Как говорится, жизнь вне контекста влечет за собой и смерть вне контекста.

Единственное относительно светлое пятно – позитивная динамика ситуации в вооруженных силах, которые становятся адекватными новой геополитической реальности. Но оно, к сожалению, теряется на общем безрадостном фоне, тем более что у российской элиты, видно, нет идей относительно того, как полученный с большим трудом и, прямо скажем, с большими социальными и политическими издержками реальный военный потенциал можно использовать во благо развития страны, не слишком пугая соседей.

В целом выпадение страны из геополитического контекста уже становится опасным, куда более опасным, нежели разговоры о возможном вступлении Украины в НАТО или размещение в Восточной Европе элементов ПРО. Ведь, если приглядеться к большинству событий, которые определили сущность международных отношений и вопросов глобальной безопасности за последние три-четыре месяца, то Россия как бы оказалась ни при чем. Она оказалась почти вне контекста. И если бы не советский потенциал ядерного оружия (внести туда *российский* компонент в виде пресловутой *Булавы* не удастся), то *выпадение из контекста* было бы полным и безнадежным.

И то, что Россия начинает выпадать не только из углеводородных проектов на постсоветском пространстве, но и в целом из системы политических и экономических отношений (а в провальном состоянии находятся все ранее запущенные проекты в постсоветской Евразии), говорит о том, что в данном регионе, который, как выясняется, представляет для мировой политики определенный интерес, формируется новый контекст, из которого Россия выпала. Или вот-вот выпадет.

Когда-то, а если говорить точно, то 4 февраля 1931 г. один странный и, мягко говоря, неоднозначный человек сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»²⁴. Через десять лет (!) 22 июня 1941 г. советский народ встретился с пришедшим с Запада фашизмом и с трудом, но выстоял.

К чему я привел эту цитату? К тому, что мы отстали от передовых государств на 30–50 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 8 лет. И глобальный экономический кризис дает нам этот шанс. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Bush George. The President's State of the Union Address. Washington, D.C., 2002, <http://georgew-bush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/print/20020129-11.html> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

² Документ ООН S/RES/1874 (2009). Резолюция 1874 (2009), принятая Советом Безопасности ООН на 6141-м заседании 12 июня 2009 г.

³ Выступление Постоянного представителя России при ООН В.И. Чуркина по мотивам голосования по проекту резолюции СБ ООН по КНДР, Нью-Йорк, 2009, 12 июня, <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32575d4002c4dd2?OpenDocument> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

⁴ Рубин Узи. Иран в космосе. *Индекс Безопасности*, 2009, № 2 (89), с.135–140.

⁵ Там же, с. 140.

⁶ Diplomats: Iran advancing nuke program. *The Associated Press*, 2009, July 17, http://www.msnbc.msn.com/id/31959578/ns/world_news-mideastn_africa/page/2/ (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

⁷ Ibid.

⁸ Jahn George. Hopes fading for Iran nuke talks. Official says EU has lost the right to engage on atomic activities. *The Associated Press*, 2009, July 1, http://www.msnbc.msn.com/id/31686557/ns/world_news-mideastn_africa/page/2/ (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

⁹ Susan Rice: «It's in the United States' national interest to make sure that we have employed all elements at our disposal, including diplomacy, to prevent Iran from achieving that nuclear capacity». – Ibid.

¹⁰ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с президентскими выборами в Иране. МИД РФ, Департамент информации и печати, 2009, 22 июня, <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32575dd0055ee6a?OpenDocument> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹¹ Ответ официального представителя МИД России А.А. Нестеренко на вопрос СМИ в связи с заявлением вице-президента США Джозефа Байдена о возможности применения Израилем военной силы в отношении Ирана. МИД РФ, Департамент информации и печати, 2009, 7 июля, <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc32575ec005a8d46?OpenDocument> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹² START Aggregate Numbers of Strategic Offensive Weapons. Bureau of Verification, Compliance, and Implementation. Fact sheet. 2009, April, <http://www.state.gov/t/vci/ris/121027> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.); Norris Robert S., Kristensen Hans M. Nuclear Notebook: U.S. nuclear forces, 2009, Bulletin of Atomic Scientists. March/April 2009, P. 61.

¹³ Norris Robert S., Kristensen Hans M. Ibid, P. 60.

¹⁴ START Aggregate Numbers of Strategic Offensive Weapons. Bureau of Verification, Compliance, and Implementation. Fact sheet. 2009, April, <http://www.state.gov/t/vci/ris/121027> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.); Russian Strategic Forces, <http://russianforces.org> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹⁵ Федоров Ю.Е. Обзор мировых процессов глазами либерала: февраль–апрель 2009. Мысли о немислимом, или почему прав Герман Канн. *Индекс Безопасности*, 2009, № 2 (89), с. 145–158.

¹⁶ Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений. Москва, Кремль, 2009, 6 июля, <http://www.president.kremlin.ru/text/docs/2009/07/219078.shtml> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова российскому информационному каналу «Вести», 2009, 7 июля, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/2dd08b7da5f86ce1c32575ef0052046b?OpenDocument (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

¹⁹ Латынина Юлия. Программа «Код доступа». 2009, 11 июля, <http://www.echo.msk.ru/programs/code/604723-echo/> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

²⁰ Joint Press Conference with President of the United States of America Barack Obama Following Russian-American Talks. The Kremlin, Moscow, 2009, July 6, http://www.president.kremlin.ru/eng/speeches/2009/07/06/2342_type82914type82915_219130.shtml (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

²¹ Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии, Вильнюс, 2009, 29 июня – 3 июля, http://www.oscepa.org/images/stories/documents/activities/1.Annual%20Session/2009_Vilnius/Final_Vilnius_Declaration_RUS.pdf (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

²² Заявление Совета Палаты Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в связи с принятием Парламентской Ассамблеей ОБСЕ резолюции «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», 2009, 7 июля, <http://www.vz.ru/information/2009/7/7/304857.html> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).

²³ Евстафьев Д.Г. Обзор мировых процессов глазами консерватора: февраль–апрель 2009. Контуры большой игры и конец истории. *Индекс Безопасности*, 2009, № 2 (89), с. 159–172.

²⁴ Сталин И.В. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 1931, 4 февраля, <http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-18.html> (последнее посещение – 8 сентября 2009 г.).